

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ*

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Анализ истоков и основных аспектов цифровой демократии является в настоящее время одним из наиболее приоритетных в современных общественных науках. Теоретические подходы, связанные с осмыслением этого феномена, нередко выглядят неожиданными и даже парадоксальными (например, гипотеза Ф.Н. Говарда о цифровом происхождении современных диктатур и демократий и др.). В связи с этим возникают вполне естественные вопросы. Является ли современная глобальная тенденция к формированию цифровой демократии сугубо эволюционным феноменом или же новый тип демократии возник как следствие «революции нового типа», сформировавшей характерные для нее структуры политической власти и соответствующие формы иерархического соподчинения и господства? Следует ли рассматривать эту революцию как демократическую или же речь идет о политическом перевороте иного типа? Возможно ли зафиксировать развивающийся в рамках цифровой демократии процесс формирования новых политических элит, которые идут на смену традиционным капиталистическим элитам или же мы наблюдаем лишь очередную трансформацию традиционных властных структур? Весьма характерно, что многие теоретические обобщения на основе анализа политических процессов в тех странах, которые специалисты на протяжении многих десятилетий традиционно относили к «третьему миру», в дальнейшем используются для анализа политических процессов в США и Западной Европе и наоборот. Данный факт сам по себе свидетельствует о том, что цифровая демократия рассматривается как универсальный феномен, который в различных контекстах, зависящих от обстоятельств исторического и политического характера, может трактоваться как в позитивном, так и в сугубо негативном плане. В современной западной политической теории большинство определений цифровой демократии так или иначе связаны с анализом различных версий либеральной демократии. Его отличительной чертой является повышенная вариативность — от сугубо позитивной до вполне нейтральной или даже критической интерпретации последней. Само многообразие дефиниций является существенным подтверждением того, что теоретические споры вокруг цифровой демократии не ограничиваются исключительно академической сферой и нередко приобретают разнообразные и довольно рельефно выраженные идеологические оттенки. Изначальная проблема состоит в том, способна ли цифровая демократия вносить что-то качественно новое в политику в теоретическом и практическом плане по сравнению с другими моделями демократии.

Ключевые слова: цифровая демократия, авторитаризм, государство, политика, управление, политический дискурс, либерализм, политическая теория, революция, демократический транзит.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 123091200053-0 «Динамика трансформации цифрового публичного управления в современной России: политические стратегии и риски в условиях эскалации глобального конфликта», который реализуется в ИНИОН РАН.

Анализ истоков и основных аспектов эволюции феномена, получившего еще в конце XX в. название «цифровая демократия», является в настоящее время одним из наиболее приоритетных в современных общественных науках (см., напр.: [Dai, Norton, 2008; Lutz, Du Toit, 2014; Digital Solutions..., 2015; Electronic Democracy..., 2016; Vromen, 2017; Susskind, 2018; Berggruen, Gardels, 2019; The Future of Digital Democracy, 2019; Forestal, 2021; Susskind, 2022]). Теоретические подходы, связанные с осмыслением этого феномена, нередко выглядят неожиданными и даже парадоксальными. Например, в работе «Цифровые истоки диктатуры и демократии: информационные технологии и политический ислам», опубликованной в 2010 г., ее автор, известный британский социолог Филип Н. Говард, следующим образом поясняет, по каким причинам он выбрал именно такое наименование: «Подзаголовок этой книги является отсылкой к книге Баррингтона Мура “Социальные истоки диктатуры и демократии”. В ней Мур утверждал, что самые сильные демократические институты двадцатого века возникли в результате самых жестоких гражданских войн предыдущих столетий. В основе его исторического анализа, охватывающего несколько столетий, лежит сравнительный метод, который не предполагает единственного пути к демократии. Представленный в моей книге анализ также носит сравнительный характер, и, хотя его временные рамки гораздо более ограничены, он также демонстрирует *цифровое происхождение современных диктатур и демократий* (курсив наш. — В. Г.). Во многих изучаемых в ней странах системы политической коммуникации развились до такой степени, что гражданский дискурс больше не должен обозначать свое присутствие в государственных организациях или даже территориально располагаться в подконтрольных политике сферах. Страны, где гражданское общество и журналисты активно использовали новые информационные технологии, впоследствии познали опыт радикального демократического транзита или значительной консолидации своих демократических институтов. Хотя, безусловно, существуют примеры того, как ИКТ используются для содействия коррупции, существует гораздо больше примеров того, как ИКТ применяются для борьбы с взяточничеством. Несмотря на то, что, разумеется, существует немало примеров использования ИКТ государством для контроля над информацией и манипулирования общественностью, существует гораздо больше примеров того, как общественность использует ИКТ для уклонения от государственного информационного контроля. Граждане изучаемых в нашей книге стран уже не являются просто потребителями политического контента, они управляют средствами культурного производства посредством бытовой электроники. Существует несколько рецептов демократического перехода к демократии и ее консолидации. Лучше всего размышлять о таких политических изменениях с точки зрения эволюции, а не революции. Совершенно очевидно, что путь к демократизации все чаще становится цифровым» [Howard, 2011b, p. 200–201] (ср.: [Špecián, 2022, p. 3, 94–99]).

Как известно, сам Б. Мур в своей работе стремился обрисовать в общем плане основные черты «трех путей в современный мир». Самый ранний из них объединил капитализм и парламентскую демократию после ряда буржуазных революций — Пуританской революции в Англии, Французской революции

и Гражданской войны в США. Второй путь также рассматривается Муром как капиталистический. Однако «из-за отсутствия сильного революционного подъема он прошел через реакционные политические формы и завершился фашизмом. Стоит подчеркнуть, что благодаря революции сверху промышленности удалось вырасти и процветать в Германии и Японии. Третий путь — конечно, коммунистический. В России и Китае революции, имевшие главным образом, но не исключительно крестьянский характер, сделали возможным коммунистический вариант. Наконец, к середине 1960-х годов Индия лишь с трудом вступила в процесс становления современного индустриального общества. Эта страна не пережила ни буржуазной революции, ни консервативной революции сверху, ни пока что коммунистической» [Moore, 1974, p. 413].

Характеризуя социально-политические основания революций эпохи раннего модерна, Б. Мур приходит к следующему выводу: «И в раннее Новое время решающей предпосылкой современной демократии было возникновение грубого баланса между короной и дворянством, при котором королевская власть преобладала, но оставляла дворянству значительную степень независимости. Плюралистическое представление о том, что независимое дворянство является важным компонентом роста демократии, имеет прочную основу в исторических фактах. Сравнительное подтверждение этому тезису обеспечивается отсутствием такого ингредиента в Индии Акбара и маньчжурском Китае или, точнее, неспособностью выработать приемлемый и легитимный статус той степени независимости, которая существовала фактически... Первым условием демократического развития, с которым столкнулся наш анализ, было *формирование баланса, позволяющего избежать слишком сильной короны или слишком независимой земельной аристократии*» [Moore, 1974, p. 417].

В связи с этим возникают вполне естественные вопросы. Является ли обозначенная Ф. Н. Говардом современная глобальная тенденция к формированию цифровой демократии сугубо эволюционным феноменом или же новый тип демократии возник как следствие «революции нового типа», сформировавшей характерные для нее структуры политической власти и соответствующие формы иерархического соподчинения и господства? Следует ли рассматривать эту революцию как демократическую или же речь идет о политическом перевороте иного типа? Возможно ли зафиксировать развивающийся в рамках цифровой демократии процесс формирования новых политических элит, которые идут на смену традиционным капиталистическим элитам, или же мы наблюдаем лишь очередную трансформацию традиционных властных структур, обозначившую новый «четвертый путь», который способен «вписаться» в троичную схему Б. Мура?

Следует признать, что Ф. Н. Говард в упомянутой выше книге отвечает на данные вопросы довольно уклончиво. На первый взгляд, он вполне разделяет идею «четвертой революции», о чем говорит уже формулировка названия предисловия — «Революция на Ближнем Востоке будет оцифрована». Однако, обозначив свою позицию, он тут же ссылается на противоположное мнение «других специалистов» относительно процессов радикальных трансформаций в Иране (политические события, связанные с переизбранием М. Ахмадинеда-

жада на второй президентский срок в 2010 г.) и Египте (победа М. Мурси на президентских выборах 2012 г.), в которых интернет-технологии играли важнейшую роль. «Для исследователей политических коммуникаций и социальных движений, — отмечает Говард, — Иран представляет собой интересный случай: это одна из самых организованных мусульманских стран, в которой существует организованное и четко сформулированное демократическое движение, однако никакой демократической революции не предвидится. Если новые информационные технологии играют роль в процессе демократизации в других странах, то почему не в Иране? Действительно, большая часть исследований в области ИКТ и политики в Иране не могут продемонстрировать многого в плане демократических результатов. Их авторы предпочитают вместо этого утверждать, что интернет важен для обеспечения риторического пространства для инакомыслия. Во многих авторитарных государствах политические партии просто объявлены вне закона, в то время как в других к ним относятся терпимо, но они все же вынуждены идентифицировать себя как “организации” или “социальные движения”... Если оперировать языком нечетких конфигураций (курсив наш. — В. Г.), повстанческое движение в Иране после выборов было почти примером цифровой революции (курсив наш. — В. Г.). Вряд ли протесты продолжились бы так долго, получили бы такую международную поддержку и оказали бы такое влияние на внутреннюю политику, если бы не мобильные телефоны и интернет. Интернет не стал причиной восстания, и, вероятно, пустым трюизмом будет выглядеть следующая мысль — ни одна современная демократическая революция на Ближнем Востоке не произойдет без интернета. Во времена политического кризиса банальные инструменты для траты времени, такие как Twitter и YouTube, становятся поддерживающей инфраструктурой социальных движений» [Howard, 2011b, p. 4, 12] (ср.: [Howard, 2015, p. 108–109]).

В работе, опубликованной Ф. Н. Говардом два года спустя в соавторстве с М. М. Хуссейном, «язык нечетких конфигураций» явно начинает уступать место более строгим дефинициям. События «арабской весны» уже трактуются в рамках формулы «четвертой волны демократии», вынесенной в заглавие книги: «Арабская весна» — это то, что многие международные комментаторы называют каскадом народных демократических движений, которые начались в Тунисе, вдохновили Египет и в дальнейшем вдохновили другие движения по всему региону. Нескольким автократам пришлось освободить свои кабинеты. Недовольство распространилось по транснациональным сетям родственников и друзей в Алжир, Иорданию, Ливан и Йемен. Некоторые страны по-прежнему находятся в кризисе, и в большинстве из этих стран неясно, приведут ли народные требования перемен к созданию новых устойчивых политических институтов. Социальные протесты в арабском мире распространились по Северной Африке и Ближнему Востоку во многом потому, что цифровые медиа позволили сообществам осознать, что они разделяют недовольство, а также потому, что они разработали подвижные стратегии мобилизации против диктаторов. Но первые месяцы “арабской весны” не были связаны с традиционными политическими игроками, такими как профсоюзы, политические партии или радикальные фундаменталисты. Эти протесты объединили сетевым образом людей — молодых

предпринимателей, государственных служащих, женские группы и городской средний класс, — многие из которых раньше не смогли добиться таких успехов в плане политической организованности» [Howard, Hussain, 2013, p. 3].

Размышляя на тему, где и как еще возможны социальные изменения с помощью новых коммуникационных сетей, Говард и Хуссейн довольно осторожно и несколько неопределенно формулируют свою позицию: «Если информационные технологии и инфраструктура являются достаточной причиной демократизации, то наличие информационных технологий подразумевает наличие демократизации (хотя демократизация не предполагает наличие информационных технологий)» [Howard, Hussain, 2013, p. 108].

Весьма характерно, что теоретические обобщения, сделанные Ф. Н. Говардом на основе анализа политических процессов в тех странах, которые специалисты на протяжении многих десятилетий традиционно относили к «третьему миру», были им использованы в более поздних работах для анализа политических процессов в США и Западной Европе. Данный факт сам по себе свидетельствует о том, что британский социолог склонен рассматривать цифровую демократию как универсальный феномен, который в различных контекстах, зависящих от обстоятельств исторического и политического характера, может трактоваться в позитивном и, наоборот, в сугубо негативном плане. Например, в работе с весьма характерным названием «Машины лжи. Как спасти демократию от армий троллей, лживых роботов, операций с мусорными новостями и политических дельцов» Ф. Н. Говард, характеризуя медиасаммит, организованный летом 2019 г. администрацией Дональда Трампа, на который были приглашены «экстремистские, ультраконсервативные теоретики заговора... производители, распространители и маркетологи большой политической лжи», подводит читателей к следующему теоретическому заключению: «Политика — это социотехническая система, состоящая как из идеологии, так и из технологий. Любые параметры понимания политики, которые касаются просто выборов, политических партий и правительства, или отводят технологиям незначительную роль в трактовке текущих событий, или не дают убедительных объяснений политических результатов... Любое разумное определение демократии или авторитаризма должно включать элементы информационной инфраструктуры. В значительной степени это связано с тем, что характеристики демократии могут быть абстрактными или обнаруживаться в широких обобщениях и расплывчатых организационных механизмах, которые редко применяются или на удивление хрупки. Но информационная политика, инфраструктурные стандарты и культура использования технологий являются яркими, конкретными и регулярными примерами демократии в действии и на практике. Платформы социальных сетей, в частности, обеспечивают структуру нашей политической жизни, они упорядочивают нашу гражданскую активность и предлагают наиболее полные доказательства того, живем ли мы в условиях демократии или диктатуры. Если правящие элиты, лоббисты и теневые политики смогут использовать новые информационные технологии для того, чтобы проводить в политике “красные линии” или формировать политические движения посредством астротурфин-

га, они это сделают» [Howard, 2020, р. X–XI] (ср.: [Howard, 2006, р. 102–103, 119; Lutz, Du Toit, 2014, р. 26–27; Digital Solutions...2015; Smith, 2017, р. 2 sq.; Kellner, 2021, р. 93–118]).

На наш взгляд, приведенные выше примеры постоянных колебаний и сомнений в отношении теоретических оценок цифровой демократии заслуживают самого серьезного отношения. Для того, чтобы лучше понять их природу и характер, необходимо обратиться к анализу ряда аспектов дискуссий, связанных с определением цифровой демократии и ее места в современной политической теории. Прежде всего следует отметить, что в современной западной политико-философской литературе большинство определений цифровой демократии так или иначе связаны с анализом различных версий либеральной демократии. Отличительной чертой теоретических подходов является повышенная вариативность — от сугубо позитивной до вполне нейтральной или даже критической интерпретации последней. Само многообразие дефиниций встречающихся в современной научной литературе, является существенным подтверждением того, что споры не ограничиваются исключительно академической сферой и нередко приобретают разнообразные и довольно рельефно выраженные идеологические оттенки.

В политической теории существует немало конкурирующих концепций демократии, и в этом плане не вполне ясно, рассматривается ли, например, электронная или цифровая демократия в качестве вполне завершенных теоретических моделей, способных бросить вызов уже имеющимся. Как правило, дебаты в последние годы имеют тенденцию сосредотачиваться на своего рода континууме, где «демократия участия» (participatory democracy) находится на одном конце шкалы, а различные модели представительной демократии на другом. Демократия участия нередко сближается с концепцией прямой демократии, поскольку ее основная задача состоит в том, чтобы вовлекать общественность в процессы принятия решений. Критики «партиципаторной модели» постоянно отмечают, что примеры такого участия, как правило, ограничиваются уровнем локальной политики и уделяют внимание преимущественно деятельности «рабочих групп» на местах. Более того, размеры и сложность современных национальных государств означают, что у граждан имеется весьма мало реальных возможностей (а возможно, и желания) влиять на социальную среду за пределами мест, где они живут (см., напр.: [Côté, Rouet, 2023, р. 1–12]). Исходный вопрос состоит в том, способна ли цифровая демократия вносить что-то качественно новое в политику в теоретическом и практическом плане по сравнению с другими моделями демократии?

В настоящее время само понятие «цифровая демократия» нередко используется прежде всего для обозначения целого ряда полезных технологических приложений и экспериментов, направленных на совершенствование существующих представительных демократических институтов. Увеличение количества веб-сайтов местных, региональных и государственных органов власти обычно приветствуется как попытка улучшить «интерфейс» между гражданами и властями. Таким образом, речь идет об использовании ИКТ для расширения уже существующих политических практик, но отнюдь не в целях революционного

преобразования демократических институтов (см.: [Hague, Loader, 1999, p. 5–6; ср.: Fuller, 2015, p. 319–320]).

На рубеже XX–XXI в. значительно возросла уверенность различных групп ученых в том, что недавние разработки в области информационных и коммуникационных технологий содержат в себе потенциал, способствующий «квантовым скачкам в области демократической политики» [Becker, 1998, p. 343]. Анализ разнообразных моделей, экспериментов и инициатив, связанных с активным использованием ИКТ, интенсивно развивался в рамках концепций «электронной демократии», «теледемократии» и «кибердемократии». В дальнейшем наиболее предпочтительным стал представляться термин «цифровая демократия», поскольку, по мнению многих специалистов, именно объединение существующих электронных технологий посредством развития цифровой передачи данных может наиболее эффективным образом способствовать раскрытию их потенциала (см.: [Hague, Loader, 1999, p. 3 sq.]). В ряде случаев научная убежденность переросла в откровенную эйфорию. «Евангелисты от интернета, — отмечают Б. Н. Хейг и Б. Лоудер, — имеют в виду нечто большее, когда превозносят достоинства цифровой демократии, предполагая, что власть перейдет к демократическим партиям, как только они будут вооружены ИКТ. В своей крайней форме интернет был задуман как электронный форум, включающий обширную сеть освобожденных и равных граждан мира, способных обсуждать все аспекты своего существования, не опасаясь контроля со стороны национальных суверенных властей» [Hague, Loader, 1999, p. 6].

Как уже отмечалось выше, современные теоретические трактовки цифровой демократии активно взаимодействуют с либеральным политическим дискурсом. После краха «народных демократий» в Центральной и Восточной Европе либеральная демократия, в рамках которой власть правительства ограничена, а свободы личности защищены, стала рассматриваться в качестве доминирующей политической модели, т. е. идеальной системы, которая гарантирует автономию личности, способствует культурному разнообразию, защищает группы меньшинств и обеспечивает социальную справедливость. Оценивая перспективы определения цифровой демократии с учетом обозначенных выше либеральных ценностей, М. Катина и Т. Ведель отмечают: «В результате понятие “цифровая демократия” можно определять по-разному. В нейтральном смысле его можно определить как охватывающее все виды использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут повлиять и изменить функционирование демократии, особенно фундаментальные процессы, связанные с выражением мнений, дебатами, голосованием и принятием решений. В нормативной перспективе цифровую демократию можно определить как политическую систему, в которой использование ИКТ обеспечивает демократические ценности. ИКТ могут иметь два вида воздействия на демократические системы. Их можно использовать для исправления недостатков или несовершенства нынешней политической системы, чтобы повысить ее демократическое качество без фундаментального изменения ее структуры. В таком случае цифровая демократия является продолжением представительной, либеральной демократии, но с более широким участием граждан в госу-

дарственных делах, более широким доступом социальных сил к общественным дебатам и лучшей подотчетностью правительств. Цифровую демократию можно также трактовать как новую эпоху демократии, которая придет на смену представительной демократии и установит форму прямой демократии. С этой точки зрения, роль парламентов, политических партий, средств массовой информации и, в более общем плане, всех посреднических структур и организаций окажется под серьезным вопросом. Публичные дебаты будут проходить на форумах, которые будут стимулировать гражданство и позволят людям напрямую участвовать в государственных делах посредством новых процедур. Будут установлены новые отношения между гражданами, а также между гражданами и правительствами» [Catinat, Vedel, 2000, p. 185].

Инициированный на рубеже XX–XXI вв. спор между «нормативистами» и сторонниками *нейтрального подхода* к интерпретации цифровой демократии продолжается вплоть до наших дней и нередко оказывается весьма острым и бескомпромиссным. Однако уже в начальный период дискуссии ученым удалось выработать ряд критериев, на основе которых оказалось возможным наметить основные пути достижения консенсуса относительно более или менее строгого определения этого феномена. В этом плане, на наш взгляд, базовым вполне может считаться следующее определение, сформулированное К.Хакером и Я. ван Дайком во вступительной статье к сборнику «Цифровая демократия: вопросы теории и практики» (2000): «Цифровая демократия — это использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и компьютерной коммуникации (СМС) во всех видах средств массовой информации (например, в интернете, интерактивном радиовещании и цифровой телефонии) в целях усиления политической демократии или участия граждан в демократической коммуникации. Сопоставимые термины, такие как “виртуальная демократия”, “теледемократия”, “электронная демократия” и “кибердемократия”, часто используются и в других местах. Большая часть разговоров об электронной демократии является расплывчатой и лишенной теоретического содержания... Мы предпочитаем термин “цифровая демократия” схожим по звучанию терминам, поскольку он явно связан с использованием ИКТ и СМС во всех видах практики, которые считаются демократическими. Мы определяем цифровую демократию как совокупность попыток практиковать демократию без ограничений времени, пространства и других физических условий, используя вместо этого ИКТ или СМС, как дополнение, а не замену традиционных “аналоговых” политических практик» [Hacker, Van Dijk, 2000, p. 1].

В этом же сборнике Я. ван Дайк в специальной статье «Модели демократии и концепции коммуникации» идентифицирует четыре демократических информационных процесса: распространение и распределение информации, регистрация информации, консультирование, дискуссия. На основе этих информационных процессов он выделяет три модели цифровой демократии, которые проявляются в определенных формах общения и коммуникационных технологиях: *рыночная модель* — распространение и распределение информации; *инфократическая модель* — регистрация информации; *сетевая модель* — консультация и дискуссия. В *рыночной модели* цифровой демократии политиче-

ская информация распространяется через компьютерные сети центральными акторами (субъектами), такими как правительства, министерства, партии, парламенты, офисы и т. д. Эта модель является выражением либеральной и элитарной демократии, когда упор делается на политические институты и лидеров, а также правовой демократии, когда акцентируется специфически приватный характер сектора цифровых медиаструктур. *Инфократическая модель* цифровой демократии предполагает регистрацию информации через компьютерные сети. К ней относятся, например, заполнение онлайн-форм, подача онлайн-заявок, онлайн-услуги, предоставляемые государственными органами (например, онлайн-налоговые декларации), онлайн-опросы, онлайн-голосование или выражение согласия в социальных сетях путем нажатия кнопок типа «мне нравится» и т. п. Ван Дайк утверждает, что эта модель является выражением плебисцитарной и правовой моделей демократии. В *сетевой модели* политические вопросы обсуждаются гражданами через компьютерные сети и существует возможность онлайн-консультаций политических институтов с гражданами. Для ван Дайка эта модель является выражением плебисцитарной, правовой, плюралистической и партиципаторной моделей демократии [Dijk, 2000, p. 40 sq., 51 sq.] (см. также: [Fuchs, 2022, p. 237 sq.]).

Свидетельством того, что определение Хакера и Ван Дайка оказалось вполне удачным и было принято многими учеными, является его оценка Кристианом Фухсом — одним из наиболее влиятельных современных специалистов в области теории коммуникаций. В своей новейшей работе «Цифровая демократия и цифровая публичная сфера: массмедиа, коммуникация и общество», отталкиваясь от данного определения, австрийский политолог дает несколько следующих критических комментариев:

— Термин «цифровая демократия» сегодня относительно широко распространен. Однако такие термины, как электронная демократия, теледемократия, кибердемократия, интернет-демократия, виртуальная демократия или электронное участие, также используются в качестве эквивалентов.

— С 2000 г., когда Хакер и ван Дайк представили свое определение, медиаландшафт изменился. Термин «цифровая телефония» сегодня практически не используется. Скорее, люди обычно говорят о «мобильной телефонии» и «мобильном телефоне». Кроме того, к примерам технологий обязательно следует добавить социальные сети (блоги, микроблоги, социальные сети, WiKi и т. д.).

— Термин «информационные и коммуникационные технологии» часто используется как синоним терминов «компьютерные технологии» и «цифровые технологии/медиа». Однако информационные и коммуникационные технологии также включают в себя классические средства массовой информации, такие как живопись, театр, музыка, концерт, книга, газета, кино, телефон и радио. Информационные и коммуникационные технологии — это информационные и коммуникационные системы, которые опосредованы социальными и общественными практиками. Компьютер и интернет — это цифровые информационно-коммуникационные технологии.

— Цифровая демократия не связана с конкретной моделью демократии. Конечно, существуют различные формы цифровой демократии, которые свя-

заны с определенными моделями демократии (такими как прямая демократия, либеральная и представительная демократия или демократия участия). Таким образом, цифровая демократия — это не конкретные технологические приложения, а технически опосредованные практики, в которых реализуются определенные демократические модели и идеи. Цифровая демократия основана на диалектике технологий и политики [Fuchs, 2022, p. 236].

Несмотря на убедительность многих аргументов, представленных в книге К. Фухса, в настоящее время невозможно утверждать, что консенсус в научном мире окончательно достигнут. Напротив, многих политических теоретиков не удовлетворяет и сам характер обозначенных выше дискуссий, и те определения цифровой демократии, которые были получены в их результате. Весьма показательными в этом плане являются аргументы, представленные Паоло Гебраудо в работе «Цифровая партия: политическая организация и онлайн-демократия». По мнению итальянского социолога, онлайн-демократия, реализуемая на платформах участия, предполагает гораздо меньше участия, чем следует из ее названия. Хотя ее «официальный дискурс» в перспективе включает в себя элементы делиберативной демократии, в практическом плане она все же приближается к модели плебисцитарной демократии. Сетевые консультации часто напоминают «электронный плебисцитаризм», сосредоточенный вокруг референдумов, участников которых просят сделать бинарный выбор — «да/нет». Такие референдумы слишком часто кажутся простой ратификацией воли партийного руководства. В реальной политике инициативы «снизу вверх», в которых рядовые члены формально имеют право голоса, по большей части маргинализируются и в конечном итоге вообще сводят на нет саму возможность их активного участия. «Иногда кажется, что эти совещательные моменты носят чисто косметический характер и едва ли скрывают общий плебисцитарный и нисходящий процесс установления повестки дня и принятия решений. Таким образом, хотя вполне возможно, что цифровая партия является заклятым врагом партийной олигархии, за это приходится платить усилением персонализированного лидерства, харизматического гиперлидера и ближайшего окружения из уверовавших в него сторонников. Кажется, мы отказываемся от железного закона олигархии только для того, чтобы столкнуться с “кремниевым законом” “доброжелательной диктатуры”» [Gerbaudo, 2019, p. 185].

Но, пожалуй, наиболее радикальным «финальным аккордом» обозначенных выше негативных тенденций вполне можно считать новейшую критическую работу известного ирландского публициста Рослин Фуллер «Принципы цифровой демократии: теория и анализ конкретных ситуаций» (2023). «Поразительно, — отмечает Фуллер, — но в большинстве случаев анализ цифровой демократии в итоге не дает определения ни демократии, ни цифровых технологий. Это означает, что аналитики не могут определить то, чего они стремятся достичь, полагаясь вместо этого на смутное представление о том, что демократия — это “благо” и она каким-то образом “возникнет” при условии “вовлечения” в этот процесс достаточного количества “обыкновенных людей”. Ничто не может быть дальше от истины, и это принятие желаемого за действительное еще больше запутывается многими самопровозглашенными “экспертами”, работающими

в этой области и предлагающими вымученные плоскости, трюки и магические формулы для реализации этих дурно определенных, часто крайне пристрастных, визионерских представлений о “цифровой демократии”. Эти причуды, как и все прочие причуды, приходят и уходят по той простой причине, что они не работают... Термин “цифровой” просто описывает метод, используемый для связи, в данном случае — двоичный код. Все, что выражается нулями и единицами (или словами “включено” и “выключено”), является “цифровым”, в отличие от связи, передаваемой волнами (самый простой пример — радио), которая является аналоговой. Как и ее предшественник — код Морзе, цифровая связь может передавать закодированные сообщения на большие расстояния, обеспечивая (в отличие от кода Морзе) быструю, многостороннюю и чрезвычайно гибкую связь. Таким образом, цифровую демократию можно определить как самоуправление, обеспечиваемое мгновенной пиринговой цифровой связью. Это гораздо более узкое определение, чем то, которое обычно используется. Цифровая демократия часто определяется просто как любое “вовлечение”, “участие” или “привлечение”, при котором используются компьютеры. Эти термины стали излюбленными именно потому, что они очень гибкие. Можно оказаться “вовлеченным” в принятие решения, просто подслушав разговор и дав непрошенный совет... Самая большая проблема для цифровой демократии (да и любой демократии) заключается в том, что *существует значительная часть общества, которая просто ее не хочет* (курсив наш. — В. Г.). Вместо этого предпочтение отдается управленческому стилю политики, который отказывается признавать возможность различных интересов и реальных конфликтов. При этом участие носит чисто демонстративный характер. Интересно отметить, что по мере того, как управленческая концепция политического участия все дальше и дальше навязывалась обществу, поляризация и разочарование росли в геометрической прогрессии. Это происходит потому, что демократия — это метод целенаправленного регулирования политической энергии, мыслей, согласия и разногласий таким образом, чтобы обеспечить знания и ответственность. Если политика — это река, то демократия — это водяное колесо. Попытка отрезать их друг от друга, пользуясь менеджерскими приемами, подобна созданию плотины, которая в конечном итоге рухнет, потому что не существует материалов для создания плотины, способной справиться с той энергией, которую производит политическая жизнь» [Fuller, 2023, p. 1, 3, 283].

На наш взгляд, практически все обозначенные выше критические инвективы могут быть в равной степени включены в ставшие широко известными два парадокса управления, которые Н. Беггрюэн и Н. Гардельс считают наиболее характерными для эпохи цифровых технологий: «Несмотря на ожидания, что эпоха интернета создаст информированную общественность, более способную к самоуправлению, чем когда-либо прежде в истории, фейковые новости, разжигание ненависти и “альтернативные факты” вызвали серьезную деградацию гражданского дискурса. Во-вторых, парадокс политической экономии в эпоху цифрового капитализма заключается в том, что чем более динамичной является постоянно обновляющаяся, основанная на знаниях экономика, тем более надежной должна быть заново определенная система безопасности

и сеть возможностей, способные справиться с постоянными диспропорциями и разрывами в богатстве и власти, которые являются непосредственными результатами этой эпохи» [Berggruen, Gardels, 2019, p. 2–3].

Обозначенные выше парадоксы постоянно — прямо или косвенно — фиксируются специалистами и политическими публицистами, причем рисуемые ими апокалиптические картины политической жизни в странах Запада нередко напоминают образы, характерные для антиутопий XX в. Вот как, например, характеризует американский политолог Дженнифер Форестол основные тенденции цифровой политики в США: «В декабре 2019 г. на сайте BuzzFeed News была опубликована статья, размышляющая о “цифровой революции” 2010-х годов. Выводы были мрачными. Создавая или усугубляя “чувство бессилия, отчуждения, одиночества и гнева”, писал репортер Джозеф Бернштейн, растущее доминирование цифровых технологий в нашей повседневной жизни “стимулирует формы обязательств, которые заставляют американцев чувствовать себя менее свободными в своих действиях и более одинокими, чем когда-либо, что приносит пользу очень немногим”. Вопреки оптимистичным прогнозам технооптимистов конца 1990-х и начала 2000-х годов, утверждает Бернштейн, ныне повсеместные технологии, такие как смартфоны и социальные сети, оказались инструментами контроля, а не освобождения. “Цифровая революция”, заключает он, “не укротила политику. Она сделала ее адептов берсерками. Она не сблизает людей, а отчуждает их друг от друга”. Подчеркивая катастрофические последствия цифровых технологий в нашей социальной и политической жизни, статья BuzzFeed повторяет ряд распространенных аргументов, выдвинутых учеными и практиками в предыдущее десятилетие. Отмечая, как цифровые технологии усугубляют расовые предубеждения, распространяют дезинформацию, усиливают ненависть и радикализируют идеологическое мышление, ученые поспешили указать на множество способов, с помощью которых цифровые технологии “подрывают демократию”. Похоже, что в стремлении “двигаться быстро и ломать вещи” цифровые технологии (и компании, которые их контролируют) сломали что-то важное в нашей коллективной жизни как демократических граждан» [Forestal, 2021, p. 1–2] (ср.: Election Fraud, 2008, passim; Michailidou, 2017, p. 241–266; Bowers, 2016, passim)]. Такого рода зарисовки, характеризующие активное использование западными элитами интернет-технологий для ограничения демократических институтов и усиления репрессий в своих собственных странах, по существу, воспроизводят аналогичные многочисленные описания репрессивной политики, проводимой правящими кругами тех государств, которые на Западе квалифицируются как «авторитарные» (см., напр.: [Feldstein, 2021, passim]).

В итоге возникает, по крайней мере на первый взгляд, довольно парадоксальная картина: если, согласно обозначенным в начале статьи выводам Ф. Н. Говарда, активное использование интернет-технологий в странах Ближнего Востока способствует демократическому транзиту, в США и странах Западной Европы, напротив, наблюдается противоположная тенденция: наметившиеся в конце XX — начале XXI в. вполне позитивные тенденции к формированию цифровой демократии повсеместно выхолащиваются и подвергаются эрозии.

Разумеется, такого рода дихотомия признается далеко не всеми учеными. «Цифровые массмедиа, — отмечает А. Михайлиду, — открыли новую эру кризиса коммуникации, ограничив контроль традиционных журналистских СМИ и политического руководства над информационными потоками, с одной стороны, и укрепив информационную независимость и независимость общественности, с другой. В этом смысле онлайн-медиа сформировали асимметричное публичное пространство для кризисной коммуникации, внутри которой формальным политическим институтам становится все труднее заявлять или поддерживать свою репутацию и надежность. Одновременно эта публичная онлайн-арена, опосредующая кризисную коммуникацию, потенциально может способствовать политическим инновациям, поскольку она позволяет формировать новую общественность, импровизированные гражданские движения и низовые коалиции зачастую глобального масштаба, которые по-новому формируют политическую реальность. Трансформация политического порядка во времена кризисов включает в себя не только действия политических элит, организованного гражданского общества и граждан, но и диалектический процесс, внутри которого эти действия представляются, обсуждаются и оцениваются. Таким образом, кризисное управление неразрывно связано с публичными коммуникациями не только в узком смысле стратегий кризисной коммуникации, реализуемых политическими элитами, но и в более широком смысле публичного обмена и дебатов между институтами и электоратом» [Michailidou, 2017, p. 241–242].

Обозначенная А. Михайлиду кризисная ситуация, открывающая возможность развития разнообразных «компромиссных стратегий», направленных на стабилизацию политического управления, явно ориентируется на перспективу, в свое время обозначенную в «сетевой теории власти», разработанной М. Каствельсом (см.: [Castells, 2009, p. 10–13]; ср.: [Aoyama, Castells, 2002, p. 123–159; Farrand, 2014, p. 8–29; Howard, 2011a, passim]). Однако, на наш взгляд, в настоящее время невозможно упускать из виду и другую перспективу, подробно описанную в работе У. Бека «Власть в глобальную эпоху: новая глобальная политическая экономия». «Сегодня мы, европейцы, — отмечает Бек, — действуем так, как будто Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т. д. все еще существуют. Однако они уже давно перестали существовать, потому что, как только был введен евро, если не раньше, эти изолированные национальные государства — репозитории власти и столь же изолированные, взаимоисключающие общества, которые они представляли, вступили в сферу нереального. В той мере, в какой существует Европа, больше не существует таких вещей, как Германия, Франция, Италия или Британия и т. д., в том виде в каком они существуют в головах людей и в книжках с картинками, написанных историками. Это происходит потому, что границ, различных видов ответственности и исключительных экспериментальных пространств, на которых основывался этот мир национальных государств, больше не существует. Но если всего этого больше нет, если все, что мы делаем, сводится к мышлению, действиям и зондированию в категориях зомби, что же тогда наступает — или уже пришло, — чтобы занять его место?.. Новая глобальная внутренняя политика, которая уже действует здесь и сейчас, за пределами национально-международных различий, стано-

вится игрой метавласти, исход которой невозможно предопределить. Это игра, в которой пересматриваются границы, основные правила и основные различия не только между “национальной” и “международной” сферами, но также между глобальным бизнесом и государством, движениями транснационального гражданского общества, наднациональными организациями, национальными правительствами и сообществами. Если те вещи, которые заключены в “национальные” рамки, больше не являются национальными, а те, которые включены в “международные” структуры, больше не являются международными, тогда политический реализм национального мировоззрения является ложным реализмом. Вместо этого его место занимает... космополитический реализм, который необходимо полностью изучить концептуально с точки зрения логики власти последнего» [Beck, 2006, p. XI–XII].

Подобно тому, как Ф. Н. Говард открыто и безальтернативно взял за образец книгу Б. Мура для обоснования идеи цифрового происхождения современных диктатур и демократий, изначальный источник У. Бека, судя по первым строкам процитированного выше отрывка из его книги, также просматривается вполне прозрачно. Речь, конечно, идет о следующем пассаже из книги Освальда Шпенглера «Закат Европы»: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян» [Spengler, 2003, p. 216]. Знаменитое пророчество немецкого философа, множество раз воспроизводимое и в наши дни в самых различных контекстах, выглядит, на наш взгляд, совершенно уместным в связи с оценкой дискурса и реальных практик цифровой демократии в современной мировой политике. Становясь участниками глобальной «игры метавласти» они будут постоянно сталкиваться с угрозой утраты даже видимости автономии и рассматриваться преимущественно как средство, которое по природе является *амбивалентным* и может быть использовано в самых различных целях.

Литература/References

- Aoyama Y., Castells M. An Empirical Assessment of the Informational Society: Employment and Occupational Structures of G-7 Countries, 1920–2000. *International Labour Review*, 2002, vol. 1, no. 141, pp. 123–159.
- Beck U. *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*. Cambridge: Polity, 2006. 365 p.
- Becker T. Governance and Electronic Innovation: A Clash of Paradigms. *Information, Communication and Society*, 1998, vol. 1, no. 3, pp. 339–343.
- Berggruen N., Gardels N. *Renovating Democracy: Governing in the Age of Globalization and Digital Capitalism*. Oakland, California: University of California Press, 2019. 231 p.
- Bowers Ch. *Digital Detachment: How Computer Culture Undermines Democracy*. New York: Routledge, 2016. 140 p.
- Castells M. *Communication Power*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. 571 p.
- Catinat M., Vedel Th. *Public Policies for Digital Democracy. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*, ed. by K.L. Hacker, J.G.M. van Dijk. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000, pp. 184–208.

Côme Th., Rouet G. Introduction: Local Participatory Democracy, Discourses, and Practices in Digital Age. *Participatory and Digital Democracy at the Local Level: European Discourses and Practices*, ed. by G. Rouet, Th. Côme. Cham, Switzerland: Springer, 2023, pp. 1–12.

Dai X., Norton Ph. *The Internet and European Parliamentary Democracy: A Comparative Study of the Ethics of Political Communication in the Digital Age*. London, New York: Routledge, 2008. 156 p.

Digital Solutions for Contemporary Democracy and Government, ed. by K. J. Bwalya, S. M. Mutula. Pennsylvania: IGI Global, 2015. 426 p.

Dijk J. van. Models of Democracy and Concepts of Communication. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*, ed. by K. L. Hacker, J. G. M. van Dijk. London, Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000, pp. 30–53.

Election Fraud: Detecting and Deterring Electoral Manipulation, ed. by R. M. Alvarez, Th. E. Hall, S. D. Hyde. Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2008. 255 p.

Electronic Democracy in Europe: Prospects and Challenges of E-Publics, E-Participation and E-Voting, ed. by R. Lindner, G. Aichholzer, L. Hennen. Cham, Switzerland: Springer, 2016. 195 p.

Farrand B. *Networks of Power in Digital Copyright Law and Policy: Political Salience, Expertise and the Legislative Process*. Routledge, 2014. 212 p.

Feldstein S. *The Rise of Digital Repression: How Technology is Reshaping Power, Politics, and Resistance*. New York: Oxford University Press, 2021. 344 p.

Forestal J. *Designing for Democracy: How to Build Community in Digital Environments*. New York: Oxford University Press, 2021. 221 p.

Fuchs Chr. *Digital Democracy and the Digital Public Sphere: Media, Communication and Society*. London; New York: Routledge, 2022. 308 p.

Fuller R. *Beasts and Gods: How Democracy Changed Its Meaning and Lost Its Purpose*. London: Zed Books, 2015. 414 p.

Fuller R. *Principles of Digital Democracy: Theory and Case Studies*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2023. 311 p.

Gerbaudo P. *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*. London: Pluto Press, 2019. 223 p.

Hacker K. L., Dijk J. van. What is Digital Democracy? *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*, ed. by K. L. Hacker, J. G. M. van Dijk. London, Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2000, pp. 1–9.

Hague B. N., Loader B. *Digital Democracy: An Introduction. Digital Democracy: Discourse and Decision Making in the Information Age*, ed. by B. N. Hague, B. Loader. London; New York: Routledge, 1999, pp. 1–22.

Howard Ph. N. *Castells and the Media: Theory and Media*. Cambridge: Polity, 2011a. 139 p.

Howard Ph. N. *Lie Machines: How to Save Democracy from Troll Armies, Deceitful Robots, Junk News Operations, and Political Operatives*. New Haven, London: Yale University Press, 2020. 221 p.

Howard Ph. N. *New Media Campaigns and the Managed Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 265 p.

Howard Ph. N. *Pax Technica: How the Internet of Things May Set Us Free or Lock Us Up*. New Haven, London: Yale University Press, 2015. 320 p.

Howard Ph. N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011b. 285 p.

Howard Ph. N., Hussain M. M. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. 145 p.

Kellner D. *Technology and Democracy: Toward A Critical Theory of Digital Technologies, Technopolitics, and Technocapitalism*. Wiesbaden: Springer VC, 2021. 303 p.

Lutz B., Du Toit P. *Defining Democracy in a Digital Age: Political Support on Social Media*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 151 p.

Michailidou A. *Twitter, Public Engagement and the Eurocrisis: More than an Echo Chamber? Social Media and European Politics: Rethinking Power and Legitimacy in the Digital Era*, ed. by M. Barisione, A. Michailidou. London: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 241–266.

Moore Jr. B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin University Books, 1974. 559 p.

Smith T.G. *Politicizing Digital Space: Theory, the Internet, and Renewing Democracy*. London: University of Westminster Press, 2017. 147 p.

Špecián P. *Behavioral Political Economy and Democratic Theory: Fortifying Democracy for the Digital Age*. London, New York: Routledge, 2022. 181 p.

Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 2003. 1247 s.

Susskind J. *Future Politics: Living Together in a World Transformed by Tech*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 516 p.

Susskind J. *The Digital Republic: On Freedom and Democracy in the 21st Century*. New York, London: Pegasus Books, 2022. 328 p.

The Future of Digital Democracy: An Interdisciplinary Approach, ed. by P. Contucci, A. Omicini, D. Pianini, A. Sîrbu. Cham, Switzerland: Springer, 2019. 101 p.

Vromen A. *Digital Citizenship and Political Engagement: The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.

Гуторов Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф.;
gut-50@mail.ru; gut-50@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 3 декабря 2023 г.;

рекомендована к печати: 26 февраля 2024 г.

Для цитирования: Гуторов В. А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 2. С. 339–355. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.214>

THE PHENOMENON OF DIGITAL DEMOCRACY: MODERN THEORETICAL DILEMMAS*

Vladimir A. Gutorov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gut-50@mail.ru

Analysis of the origins and main aspects of digital democracy is currently one of the highest priorities in modern social sciences. Theoretical approaches related to understanding this phenomenon often look unexpected and even paradoxical (for instance, the F.N. Howard' s hypothesis on the digital origins of modern dictatorships and democracies, etc.). In this regard, quite natural questions arise. Is the current global trend towards the formation of digital democracy a purely evolutionary phenomenon? Or did a new type of democracy emerge as a consequence of a “new type of revolution” that formed its characteristic structures of political power and corresponding forms of hierarchical subordination and domination? Should this revolution be considered democratic or is it a different type of political revolution? Is it possible to record the process of formation of new political elites that are developing within the framework of digital democracy, which are replacing the traditional capitalist elites? Or are we just seeing another transformation of traditional power structures? It is very characteristic that many theoretical generalizations based on the analysis of political processes in those countries that experts have traditionally classified as the “third world” for many decades are subsequently used to analyze political processes in the

* The research was carried out with the financial support of EISI within the framework of scientific project no. 123091200053-0 “Dynamics of transformation of digital public administration in modern Russia: political strategies and risks in the context of escalating global conflict”, which is being implemented at INION, Russian Academy of Science.

United States and Western Europe and vice versa. This fact in itself indicates that digital democracy is viewed as a universal phenomenon, which in various contexts, depending on historical and political circumstances, can be interpreted both positively and purely negatively. In modern Western political theory, most definitions of digital democracy are, in one way or another, related to the analysis of various versions of liberal democracy. Its distinctive feature is increased variability — from a purely positive to a completely neutral or even critical interpretation of the latter. The very diversity of definitions is a significant confirmation that theoretical debates around digital democracy are not limited exclusively to the academic sphere and often acquire diverse and quite clearly expressed ideological shades. The initial problem is whether digital democracy is capable of bringing something qualitatively new to politics in theoretical and practical terms compared to other models of democracy.

Keywords: digital democracy, authoritarianism, state, politics, management, political discourse, liberalism, political theory, revolution, democratic transition.

Received: December 3, 2023

Accepted: February 26, 2024

For citation: Gutorov V.A. The phenomenon of digital democracy: Modern theoretical dilemmas. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 339–355.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.214> (In Russian)